

18+ Юлия Мусатова

*Размышления
в прозе
и стихах*

Юлия Мусатова

Размышления в прозе и стихах

«Издательские решения»

Мусатова Ю.

Размышления в прозе и стихах / Ю. Мусатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963664-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В прозе — результат раздумий. В стихах отражается движение души. Испытания Афганских событий пришлось на долю мальчишкам моего поколения. Они для меня не недостижимые монументы, но с детства знакомые озорные ребята. Они стали «афганцами» не по своей воле, но до сих пор за спиной слышат вопросы «умников» — Кто вас там ждал? Во-первых, это не так. Читайте внимательнее документы сорокалетней давности. Во-вторых, солдаты не задают лишних вопросов, а выполняют воинский долг. Повесть об этом.

ISBN 978-5-44-963664-5

© Мусатова Ю.
© Издательские решения

Содержание

СОЖЖЁННАЯ ТРОПА	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Размышления в прозе и стихах

Юлия Мусатова

© Юлия Мусатова, 2019

ISBN 978-5-4496-3664-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОЖЖЁННАЯ ТРОПА

ПОВЕСТЬ

(Эпизод афганских событий)

*Опасно водить караваны в горах...
Из армейского фольклора*

Глава первая

За час до рассвета – время атакующего волка (и время внезапной остановки сердца) – спец. группа Стрижа подошла к горной тропе. Около получаса понадобилось на то, чтобы спешно, но вполне продуманно подготовить место встречи, а затем также быстро занять оборону в валунах. Несколько дней назад группу вертолётom сбросили в раскаленные голые скалы – с чётко поставленной задачей: пройти горными тропами на юго-восток, где на стыке гор и пустыни перехватить и поголовно (!) уничтожить пуштунский караван с оружием. Время встречи было определено по донесениям афганской агентуры. Теперь, после филигранного выхода на заданную точку, от группы требовалось затаиться и ждать. За спиной остался почти стокилометровый рейд по глубоким тылам Афганистана. Передвигались исключительно ночами. Днём же, под безжалостным солнцем, прятались в щели валунов, где камни прожаривают кожу даже через камуфляж. И так с самого рассвета дотемна, не вставая, практически не принимая пищи, не зажигая огня, чтобы прикурить. наче как? Вокруг немеряные вёрсты, и хозяева здесь – душманы. А для горца проще простого по направлению запаха дыма определить место его появления. Тогда не успеешь и вскрикнуть, как всю группу посекут очередями. Наконец, к ночи, а значит к долгожданным сумеркам и прохладе – стремительный подъём, уничтожение малейших следов «привала», скорые сборы. Вещмешок за спину, гранаты на пояс, автомат на шею. И – дальше. С верой в удачу. С надеждой на того, кто рядом в цепочке. И ещё на одно – что последний патрон в обойме не даст осечки. Пока Господь группу миловал. Нигде не напоролись на засаду. Ничем себя не обнаружили. Если не считать одной «неожиданности». Во время днёвки на командира из щели, между камнями выползла полутораметровая гюрза. Приподняла треугольную головку и застыла буквально в двух метрах, уставив на него непроницаемо-тёмные зрачки. Стриж умел взять любую ядовитую змею в прямом смысле голыми руками. Мог мгновенным ударом каблука расплющить ей голову. Но он не стал делать ни того, ни другого. Оставаясь как бы безучастно полёживать на боку, плавным движением (испуганная змея способна на молниеносный бросок), достал из-под руки автомат и медленно протянул его дуло к застывшей гюрзе, легонько подтолкнув в бок, в направлении проёма. И гюрза, словно бы поняв намерение человека, опустила головку и юркнула в щель. На удивлённый взгляд лежавшего неподалеку радиста Касымова командир никак не среагировал. Преспокойно уложил автомат под локоть и закрыл глаза... Не сказать, чтобы он был большим почитателем змей или прочих гадов. Просто командир диверсионной роты старший лейтенант Пётр Георгиевич Стрижов на третий год войны ясно осознавал цену любой жизни... Впрочем, он знал и то, что змея, за редким исключением, не нападает на человека. Если она не спровоцирована к нападению самим человеком. Но даже и тогда скорее всего постарается предупредить о предстоящей атаке. Кобра раздует капюшон. Среднеазиатская эфа сложится полукольцами и будет тереться ими друг о друга, издавая потрескивание от ребристых чешуек. Та же гюрза свернётся кольцами, с пощёлкиванием кончика хвоста... И

Пожалуй, лишь одна из всех известных Стрижу змей – чёрная болотная гадюка, встречающаяся в торфяных трясинах Мещеры, может напасть первой. К тому же в прибрежной осоке она практически невидима. Поэтому местные жители сызмальства зарубили себе на носу написанный закон – ни шагу в лес без болотных сапог!

Эх, Мещерские леса! А боровики какие...

Но здесь, в провинции Кандагар, пейзаж похож скорее на лунный, нежели земной – валуны, пики, кратеры. Ещё – звенящая тишина, сплошь серо-красный цвет, утомляющий глаза; и ни тебе ни деревца, травинки или какой-нибудь былинки.

Как же сладостно Стрижу было в редкие минуты отдыха вспомнить животворящую прохладу родимой Заокской дубравы...

Меж тем начинало светать. Он скользнул взглядом по мерцающему циферблату наручных часов, хотя и знал, что до подхода каравана никак не меньше получаса. Затем поднял к глазам бинокль ночного видения. Бескрайние барханы, словно волны, уплывали куда-то вдаль...

Ещё раз просмотрел едва заметные даже его взгляду позиции своих подопечных. Для каждого задача была не из лёгких.

Ждать – уже само по себе тягостно. Но дело не только в этом. По личному опыту знал, что, идя на риск даже тщательно продуманный, в самый ответственный момент захлёстывает предчувствие, что именно сегодня ты переступишь ту самую линию невозврата в эту жизнь. Сам Стриж смог договариваться с этим чувством предельно простой цепочкой мыслей: «Да, меня могут убить. Но если это уже произойдёт, то чего тогда бояться?..» Но и это умозаключающее помогает только до критического момента. А страх уходит вместе с жизнью...

Внезапно, на горизонте над седыми барханами багровой полосой ярко вспыхнула чаша неба.

Таких зарниц над родным домом не увидишь, мельком подумалось Стрижу... Но где же этот чёртов караван? Наводки хадовской контрразведки всегда были безупречно точны. Хотя...

Хотя в последнее время всё яснее чувствовалось, что в Кабуле творятся какие-то скрытые подвижки. Без лишнего шума то здесь, то там сменялось руководство на местах. Недавно был вызван в центр глава провинции, абсолютно верный партиец. Вызван как бы для доклада, а повезли – прямо в тюрьму. Да что там, всего полмесяца назад арестовали прикомандированного к его разведбату переводчика, добродушного, быстроглазого выпускника московского университета им. Патриса Лумумбы, с которым Стриж с десятков раз выезжал на броню в отнюдь не мирные кишлаки.

Он было поинтересовался у комбата, в чём причина? Но тот плечами пожал. Задавать же вопрос знакомым афганцам и вовсе не было проку. – Улыбки до ушей, а что на уме – ни в жизнь не угадаешь.

«Скоро они станут рвать друг другу глотки. Уголёк из поддувала уже выкатился!», – вспомнились слова Неверова с лишком двухгодичной давности. Хотя по тем временам нечто подобное и предположить было трудно.

По всем прикидам нынешний караван должен был стать для Стрижа самым самым распоследним. Перед уходом в рейд ему негласно сообщили, что в штаб уже посланы документы на его перевод в Союз.

По возвращении должны дать капитана, и это будет справедливо. Он, что положено, отслужил сполна. Ордена Боевого Красного Знамени и Красной Звезды, четыре боевых медали, в том числе – За Отвагу, о чём-то говорят? Да не в одних наградах дело...

Кто поверит, но за три года без малости на переднем крае (а то и подальше) – ни единой, даже малой царапины. А душманы, как оказалось, Стрижова знали. После одного из взятых им караванов они на крови поклялись отомстить. А с полгода назад у застреленного духа в запис-

ной книжке обнаружили и номер Стрижовской машины. Это означало, что его приговорили. Правда, в душманскую ловушку попала тогда спецгруппа лейтенанта Кравцова...

Стриж, правда, тогда о приговоре много не раздумывал. Несколько месяцев назад по дороге к базе попал в засаду, и после быстротечного боя водитель, ефрейтор-срочник, и два офицера – попутчика были убиты. А он лежал у пересохшего арыка, на другой стороне которого, всего-то метрах в тридцати, духи прочесывали округу. На всякий случай уже вырвал из последней гранаты чеку, но те прошли мимо...

А сейчас командир Стрижов снова, в который уже раз, прошёлся взглядом по позициям спецгруппы. Но сделал это скорее по привычке. Вполне можно было лишний раз не контролировать. Ни новичков, ни тем более людей случайных в группе не было и быть не могло. Всех и каждого отбирал в рейд самолично. Знал о каждом всё, вплоть до того, что видят во сне.

Всего их двенадцать. Командир. Начальник радиостанции – старший прапорщик, сверхсрочник Касымов. Остальные десять – сержанты-срочники. У каждого за плечами пять-семь караванов. Лично у Стрижа – два десятка. У радиста Каланчи и того больше. Без преувеличения, за свою голову среди таких не стоит тревожиться. Иди хоть в огонь, хоть в воду, хоть в рейд по афганским тылам.

Вот радист Касымов. Он сейчас далеко позади, в глубоком тылу (если здесь вообще уместно понятие «тыл»). И это объяснимо. Радист – глаза и уши группы. Зачастую остаться без связи с базой страшнее, чем без патронов. Душманам прекрасно это известно, поэтому первая пуля – всегда в радиста. А уже добить группу, оставшуюся без связи в тылу врага, это вопрос только времени. Так что в бою он не может быть на переднем крае.

Со стороны взглянуть, роста Касымов небольшого, телом плотный, крепко сбитый, круглоголовый, ну чисто колобок. Откуда же это прозвище – Каланча?

«По делам их узнаете о них,» – как написано в Евангелии от Матфея.

Во время одного затяжного боя осколком перебило антенну радиостанции. Тогда прапорщик Касымов под пулями встал во весь рост и, вытянув руку, держал обрубленный кусок антенны до конца сеанса связи. И вертушки с подмогой прилетели вовремя, и все ребята уцелели. С тех пор так и прилипло – Каланча.

А там, далеко-далеко впереди, один в барханах с рацией и ручным гранатомётом, сержант Голомага. Долговязый и угловатый, этот под стать своей фамилии – истинная голомага (оглобля), – но тоже с неожиданным прозвищем – «Жилетик». Его задача – подорвать замыкающую машину каравана, а выжившим отсечь огнём путь к бегству. Но опять же – почему «Жилетик»?

Однажды в кишлаке на зачистке младший сержант Голомага, тогда ещё совсем «зелёный», только-только присланный после учебки – ни слова не говоря, притянул соседа за рукав и поставил за себя. Сам получив касательное ранение бедра.

На вопрос соседа: «Ты чего? Тебя что, убить не могут?» тот в ответ: «Так ведь на мне этот был, как его... жилетик!»

Уже из этих случаев понятно, что за ребята подобрались в спецгруппе. Надёжность – вот что ставилось во главу угла. Им поверялось всё остальное – отвага, выносливость, мастерство...

Пожалуй, лишь один из спецгруппы вызывал у Стрижа некоторую... настороженность.

Это был помкомвзвода Гость (старший сержант Жилкин). Довольно высокого роста, светловолосый, мускулистый, напоминающий сжатую пружину. Один из самых опытных бойцов разведбата. Два боевых ордена, три медали. Снайпер, самбист, чемпион разведбата по САКОНБу (специальный армейский комплекс ножевого боя). Одиннадцать караванов за плечами, два ранения. Оба раза лечиться в госпиталь отказался, залечивался практически «на ногах». Вроде с какого боку ни поверни – находка для разведки. Но...

Но имелась у Гостя одна маленькая заковыка. И прежде не отличавшийся излишним проявлением эмоций (Это заметили еще в учебке. Подойдет к компании, присядет рядом и...

молчит; тогда же его и окрестили – Каменный Гость. Прилагательное со временем отпало, зато имя прилипало всё крепче. Всюду он был гостем – незаметным и молчаливым), с полгода назад вовсе будто онемел. Клещами слово вытягивали. Сосредоточенным, до одеревенелости, видом стал напоминать истуканоподобных индейских вождей.

Случилась эта метаморфоза с Гостем после того, как он слетал на пару дней в Союз. Слетал с недоброй оказией – грузом 200. То есть сопровождал тело сослуживца в подмосковный город. Откуда и до его родного села идти не быстро, прогулочкой, – с полчаса.

А вышло – поехал сопровождающим, а вернулся едва не под конвоем. Спасибо, ещё под следствие не угодил, еле-еле от дисбата отстояли. А как вернулся в батальон, так будто в рот воды и набрал. Ребята к нему: «Как друга похоронил? Зашёл ли домой?» А тот ходит туча тучей. Только однажды ротный (Стриж) как-то его разговорил, случайно даже для самого себя.

Ведь сопровождал Гость в последний путь не просто сослуживца, а товарища и единственного в батальоне земляка. И погиб друг чуть ли не вместо самого Гостя. Был обычный вылет на вертушках. Гостя по какой-то незначительной причине вызвали в штаб. А тот полетел. Ну кто мог знать, что на обычном контрольном выходе завяжется бой?..

Гость сам поехал в морг и только по тельняшке сослуживца и отыскал, – он там один спецназовец был. А уже на аэродроме, когда в самолёт цинк грузили, наклонился к смотровому окошку – а у друга по лицу муха ползает. Жирная сволочь, видно залетела, когда гроб закрывали...

Вот приехал Гость с «подарком». Матушке друга посылку с вещами и аппаратурой передал, что ребята в роте собрали. Понимал, что не до этого ей, но так положено...

Дальше – больше. На городском кладбище местные власти хоронить не разрешили. Повезли на ночь глядя на старый, местами заболоченный и поросший осокой, деревенский погост. (Да и то без церкви – срубленная из брёвен, она полыхнула от грозы почти сто лет назад. Только камни фундамента белели ровным квадратом). А там... Не так, с залпом по сигналу, как своих в Афгане провожали. Просто закопали в темноте, да пошустрее, чтобы кто не увидел... Какой там, к твоей бабушке, салют!..

Утром – поминки. Народу всего ничего – близкая родня из стариков. Ни друзьям, ни в школу, где все десять лет учился, не дали сообщить. Зато «представитель» военкомата тут как тут. Выпили за помин души по одной да по второй, а матушка погибшего всё Гостя просит: скажи, дескать, о сыночке доброе слово. Крепился Гость, крепился, а потом встал из-за стола и сказал:

– Прости, друг, что тебя убили, а я в твоём доме стою живой. Погиб ты героически на этой препоганой войне в бою, по приказу. Вроде как на благо Родины. А похоронили на этой самой Родине от людей тайком, как какую-то нежить. Да не с православным крестом на шее, а с вонючей афганской мухой...

Тут Гостя «представитель» вежливо так перебил и предложил на воздушку выйти: покурить да подышать. Выйти-то вышли, да уже за стол присесть больше не довелось. Отвезли прямо на гарнизонную гауптвахту. Так до родного села и не добрался.

Районный военком, сморщенный, но ещё бодрящийся полковник со свирепыми, навывкате, глазами, на Гостя криком кричал: «Ты чего, мать твою перемать, людей с толку сбиваешь? Какая это „препоганая война“! Ты „Комсомольскую правду“ читаешь? Рубрику видел „Служба в Афганистане“? Это – „Выполнение интернационального долга“! Посажу остолопа, чтобы другим неповадно было! И на ордена не посмотри!».

Поорали на Гостя поорали, да и плюнули, махнули рукой (чего с пьяного возьмешь?) – накатали «телегу» и отправили в Чкаловскую на военный аэродром. Упаковали в транспортный самолет, и обратно в Афган прямым ходом: пусть там разбираются. В Ташкенте на дозаправке сойти с борта на землю, ноги размять, – и то не выпустили...

Стрижу вспомнилась ещё одна фраза Неверова: «Если война – это мир, тогда правда – это ложь». И тут же подумалось, каким туманным показалось ему тогда это изречение...

А Гость после той «командировки» перед каждой предстоящей операцией становился сам не свой. На любую напрашивается: хоть на караван, хоть на банду, хоть на кишлаки. Дайте, просит, не семь автоматных рожков (обычный боезапас), а десять – всё равно мне не хватит. Зато и им мало не покажется...

Что до караванов, то здесь, понятное дело, разговор короткий. Или ты, или тебя. С бандами, в принципе, то же самое. А вот в кишлаках, на зачистках – оборот всё-таки иной. Да только и там Гость, скажем прямо, лютовал. Прочёсывал под единый гребень что старого, что малого. Потому на кишлаки Стриж старался Гостя не брать.

Но война есть война... И кое на что (много на что) приходилось закрывать глаза. Даже на шмоны раскуроченных караванов. Он знал, что в основном берут не для себя – отправляют родственникам погибших, собирают старикам на дембель. Особисты поначалу шерстили, а потом и они отстали: ребята только вчера с операции, и завтра снова... Ходили не то что по проволоке, а по острию ножа (иногда чуть ли не в буквальном смысле). Пленных, понятное дело, не брали. Но и самим попадать в плен было никак нельзя – с живого кожу сдерут. Последний патрон или граната – для себя, любимого. Это закон. Что с того, что на операции никаких документов с собой не берешь? Диверсантскую наколку группы крови с левого предплечья не вытравишь...

Стриж видел тела ребят из спецгруппы лейтенанта Кравцова. Выколотые глаза, вырванный пах, отрезанные головы. Видел и тело лейтенанта.

Так что справедливость заставляет сказать – на некоторые вещи он позволял себе закрывать глаза. Но такого беспредела, что убить – чтобы взять, ни в роте Стрижа, ни во всем разведбате не было в помине. Такие здесь если невзначай и попадали, то надолго не задерживались.

У него в роте много чего не было. Например, малейшего слуха о дедовщине. И не водились наркотики. Не было жлобства, тем более воровства. Не было даже мата. Не матерился и сам Стриж. Эту, мягко говоря, нетипичную привычку командира в роте знали и тоже старались матерщиной не козырять...

Сам Стриж отучился от мусора речи в самом-самом детстве (в школу ещё точно не ходил). Много чего пришлось пережить ему с тех пор, но эту историю он запомнил до малейшей детали..

Солнечным воскресным днём Петенька, радостно прибежав с улицы, громогласно декламировал маме, сидевшей за чаем с соседкой, услышанный минуту назад во дворе весёлый стишок, что-то вроде: «Папе сделали ботинки, не ботинки, а картинки, папа ходит по избе, лупит маму. Папе...» – такая вот «у попа была собака».

Мама залилась краской, глазки соседки любознательно округлились, а папа, продолжив немую сцену, взял декламатора за ухо. Так же молча вынес (за ухо!) в коридор и запер на полдня в кладовку. Это являлось исключительно жестоким для Петеньки наказанием, так как никакие силовые методы воспитания к нему никогда не применялись.

Вспоминая об этом казусе впоследствии, Пётр дивился только одному: как это у него тогда ухо не оторвалось?

После кладовки Петенька выслушал от папы краткое, но исчерпывающее разъяснение: если хочешь стать офицером, то должен зарубить себе на носу, что русскому военному человеку грубость не к лицу. Тогда сын дал честное слово – никогда и нигде не повторять «непотребных» выражений. И обещанье своё держал твёрдо.

Ведь Петя спал и видел себя никак не милиционером дядей Степой, и даже не Первым космонавтом, а только настоящим офицером. Таким, как его папа.

В силу его профессии семья время от времени перебиралась на новые места. Благодаря этому в мальчике рано проявились самостоятельность и умение ладить с людьми. Правда, не обошлось и без подводных рифов: друзей много – а Друга нет.

Рос он не робким и не слабым. Благо, всегда в доме водились гантели, а во дворе – укрепленный турник. Отец заставлял подыматься на зорьке, обтираться холодной водой. Учил не братья за сто дел разом, а если взялся, то не делай вполсилы. И ещё многим, вроде бы простым, но как доказывала жизнь, самым важным вещам.

Но одно дело – серьёзные, но вполне себе спокойные беседы дома, и совсем другое – законы улицы. Первый действительно холодящий душу страх Петя узнал в двенадцать лет.

Семья тогда жила в небольшом офицерском городке Рязанской области. В школу, в четвертый класс, для сокращения пути приходилось ходить по старому одноколейному железнодорожному мосту через притоку Оки. Поезда по нему давно уже не пускали. Зато с утра до ночи здесь околачивалась местная шпанистая ребятня из близлежащего барачного Шанхая.

Шпанята испытывали к Пете неприязнь, явную и вполне объяснимую. В первую очередь – чужак, во-вторых – офицерский сынок, и вообще – каждый день носит шёлковый (!) свежeweыглаженный пионерский галстук.

До поры до времени его не задевали – видели, что не робкого десятка. Но в один морозный осенний день подошли всей ватагой.

– Слышь, а слабо с моста в речку прыгнуть? Мы так запросто.

– Не слабо, – с выдохом выпалил Петя (хотя уже просто смотреть вниз, на быструю речку, было жутковато).

– Ну тогда сигай со второго пролёта. Там не глубоко, и к берегу ближе!..

Петя снял ранец, стопкой сложил одежду и быстро перелез через ограждение на парапет.

До бегущей мутноватой воды было метра три с половиной, и он без заметных колебаний, под звонкое улюлюканье, шагнул солдатиком.

Глубина оказалась чуть больше двух метров. И прыгун, точно маленький таран пронзив водную гладь, тут же по колено погрузился в плотную тину. Медленно выпустив излишек воздуха, рванул наверх, но тина не отпустила. Мало того, из-за этого барахтанья спустя считанные секунды он увяз уже почти по пояс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.